

Сборник ЛитКульты 2019

Издательский проект ЛитКульты

Эдуард Малыкин
Сборник ЛитКульты 2019

«Издательские решения»

Малькин Э.

Сборник ЛитКульты 2019 / Э. Малькин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504347-4

В этом сборнике мы публикуем тексты победителей, призёров и постоянных участников наших литературных чемпионатов, конкурсов и героев ленты стихов и прозы. Творчество этих авторов уже давно обрело популярность в сетературе. Настало время публиковаться в печатном виде!

ISBN 978-5-00-504347-4

© Малькин Э.
© Издательские решения

Содержание

СТИХИ	7
Эвелина Андреева	7
Между строк	7
Лодочка	7
Аккорды	8
Сирень в дожде	8
О творчестве	8
Елена Шумара	10
Мэри, меняется ветер	10
Птичья нелюбовь	10
Молчи	11
Мне семь, а может, тридцать или сто	11
Холодный вечер	12
Яна Виноградова	14
Оловянный солдатик	14
На вольных хлебах	14
Кристально чистая тоска	15
Елена Рид	17
Сонет из венка сонетов Dark Romantic Club	17
Люблю полупустой вагон метро	17
Урановая Мадонна	18
Лепестки	18
Ты знаешь, солнце, я спокоен	19
Переведи меня	19
Modus vivendi	20
Александр Табаков	21
Агасфер	21
Сон	21
Молитва	22
Я иду с тобой по Елисейским	22
Без пятнадцати девять вечера	23
Обращение к признанным	23
Роман Котчик	25
Старость	25
Он идёт под дождём	25
В часы душевного покоя	26
Наследие предков	26
Чудесный сад	26
Алексей Осидак	28
Той, которой нет лучше в пристанище звёзд	28
Купание красной зари	28
Русь – русалка русая	28
Переправа через Стикс	29
Коротка была спичка, что вытянул	30
Её лица мелодия	30
До этой планеты...	31

Татьяна Богомаз	32
Третий храм	32
Предчувствие весны	32
Точка бифуркации	33
Как свет	34
Виктор Заякин	35
Лампа и часы	35
Благочестивое марта	35
Кладбищенский оркестр	36
Образ Цветка	36
Законная Песнь	37
Марина Бауэр	38
Призвание	38
Пророчества спрятаны в зеркало	38
Письмо	38
Лепестки смыслов	39
Ах, чудные, вечно медовые «ЛЮ»	39
Песни Колодарницы	39
Помни радость, танцующую в груди	39
Война миров – 2	40
Валерий Костиков	42
No name	42
Пение, драконы и птицы	42
Ностальгическое	42
Парижский Экстаз	43
Стезя покрова	43
Все тела остались расплавлены	44
Александр Зимин	45
Волчице	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сборник ЛитКульты 2019

Авторы: Малыкин Эдуард, Андреева Эвелина, Шумара Елена, Виноградова Яна, Рид Елена, Табаков Александр, Котчик Роман, Осидак Алексей, Богомаз Татьяна, Заякин Виктор, Бауэр Марина, Костиков Валерий, Зимин Александр, Белковский Святослав, Середнёва Яна, Иванов Роман, Чемакин Руслан, Птица Элла, Бударин Андрей, Комарова Ксения, Causa Sine Qua Non, Авдонина Элина, Ник Ге, Графенберг Карина, Галл Анастасия, Веткина Татьяна, Ватолин Михаил, Зубец Мира, Зайцева Александра

Редактор Дмитрий Волгин

Редактор Оксана Смирнова

Дизайнер обложки Яна Малыкина

- © Эдуард Малыкин, 2019
- © Эвелина Андреева, 2019
- © Елена Шумара, 2019
- © Яна Виноградова, 2019
- © Елена Рид, 2019
- © Александр Табаков, 2019
- © Роман Котчик, 2019
- © Алексей Осидак, 2019
- © Татьяна Богомаз, 2019
- © Виктор Заякин, 2019
- © Марина Бауэр, 2019
- © Валерий Костиков, 2019
- © Александр Зимин, 2019
- © Святослав Белковский, 2019
- © Яна Середнёва, 2019
- © Роман Иванов, 2019
- © Руслан Чемакин, 2019
- © Элла Птица, 2019
- © Андрей Бударин, 2019
- © Ксения Комарова, 2019
- © Causa Sine Qua Non, 2019
- © Элина Авдонина, 2019
- © Ник Ге, 2019
- © Карина Графенберг, 2019
- © Анастасия Галл, 2019
- © Татьяна Веткина, 2019
- © Михаил Ватолин, 2019
- © Мира Зубец, 2019
- © Александра Зайцева, 2019
- © Яна Малыкина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4347-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХИ

Эвелина Андреева

Между строк

Что случится, то и предписано,
И зима подкрадётся в срок.
Снег осядет безмолвной истиной
Вдоль обочин и между строк,
Не оставив ни капли летнего
На деревьях и на кустах,
Что ж я дуюсь, как пятилетняя,
На синоптика, чей устав
Сообразен сезону – мне ли в нём
Сомневаться из года в год?
Всё здесь временно, все мы временны,
Как же мало в нас своего.

Лодочка

И когда не останется между нами
Места даже для вымысла, для пустот,
Я, как лодочка лёгкая надувная,
Ускользну по реке или в тёмный стог
Непокорной иглой нырну, и в сене,
Где люцерна и клевер – подножный корм,
Затеряюсь среди высушенных растений
Серебристым тонюсеньким стебельком.
И потом хоть по суше, хоть вплавь за мною
Отправляйся в дорогу, но всё равно:
Не зайдётся трава на полях волною,
Не заденет резиной лодчонка дно.
Травы острые, воды ещё острее:
Камни режут краями речной покров.
Ты не спрашивай помощи у борея,
Я теперь не во власти твоих ветров —
Я сама. Некто сильный сжимает вёсла,
С ним и омут не омут, и Стикс не Стикс,
А река бесконечною лентой вьётся,
Чтоб лодчонку не выпустить, не впустить.

Аккорды

Сын третий день пытается на гитаре
Что-то сыграть. Мне вспомнилось: подрастая,
Струны терзала тоже, но мало толку,
«Позже освою», – думала. Время молкло,
Голос теряя. Сколько же мне хотелось —
Ключик надежд позвякивал то и дело
Незолотой. За красочными холстами
Не было ничего, лишь стена пустая:
Плавающие тени замочных скважин.
Я же не успокаивалась, однажды
Щёлкнул замок, впуская кусок латуни,
Словно мотив наощупь поймали струны.
Выкрикнуть и успела: «Играю, я ли?».
Нет, это сын аккорды переставляет.

Сирень в дожде

Прохладен май, и по живым сиреням
Стреляет меткий дождь который день.
Я прохожу сквозь ливень, как сквозь время,
И остаюсь в сиреновом нигде.
Скажи-ка, зонтик, надо мной плывущий,
Как парусник, повёрнутый вверх дном:
Какой по счёту ливень обестучен
И выпущен в открытый водоём?
Гудеть, швыряя волны в чьи-то окна,
По водостокам струями ползти.
Глаза домов намокших – с поволокой,
Замечу, взгляд не в силах отвести.
Застыну в междуливнье, понимая,
Что за сплошной водой – одна вода.
Кусты сирени на задворках мая
Побеги отпустили в никуда.

О творчестве

Тишина прикуривает звук от вещей свободно говорящих,
Я с трудом владею языком ламп гудящих и шуршащих штор,
Но когда невыношенный стих отправляю спать надолго в ящик,
Переводчик внутренний глядит на меня, неласково, в упор.

Это мука – втягивать себя в диалог с подсвеченным
пространством,

Это мука – слизывать глагол молоком, сроднившимся с губой,

И терпеть, когда слова никак не хотят от кожи отделиться,

Или хлещут точно как вода из-под крана с сорванной резьбой.

Елена Шумара

Мэри, меняется ветер

Мэри, меняется ветер.
Новые дети
где-то под розовой вишней
кошке стригут усы.
Зонтик – раздутым скелетом.
Будущим летом
в доме ты станешь лишней.
Мальчик подрос, mercі.

Ветер меняется, Мэри.
Меньше истерик.
Жалко рисуется «я же...»
в профиль. А жальче – в фас.
Детская – камера пыток?
Было. Забыто.
Спрятан на дно саквояжа
жёлтый кошачий глаз.

Птичья нелюбовь

Листья дымят, окучены, свёрнуты по краям.
Птицам они наскучили. Птицы летят.
А я?
Я на скамье, подсудная, с перьями, но без крыл.
Стирная и посудная. Голос мой блёкл
и стыл.

Там, наверху, кольцованы, клювом находят клюв.
Детная, безотцовая, я третий день
не сплю.

Другость моя треклятая... Не различаю лиц.
Тысяча двадцать пятая в тесном строю
не-птиц.

Серая птичья клинопись маревна и пуста.
Писано: прежде вылупись, только потом —
летай.

Листья дымят, горчичные, я остаюсь земной.

Те, кто уже оптиченны, не прилетят
за мной.

Молчи

Лучше немо, поверь, чем зряче.
Прыткие как мячи
звуки спрячь под язык, иначе
будет беда.
Молчи.

Все слова упакуй как листья
в чёрный тугой пакет.
Прорастут – ты ощерься лисьи
и уходи в пике.

Люди будут хитры и грубы,
даже найдут врача.
Пусть. Зашей прочной ниткой губы.
Людам не отвечай.

Если кто меж зубами всунет
тонкий стальной крючок,
станет петь, ты ни вслух, ни всуе
не поминай, о чём.

На крючке – вкус беды и йода.
Сиясь отмывать беду,
сто морей взбаламутят воды.
Воды не отойдут.

И Оно, разевая снова
рыбий беззубый рот,
станет жрать. Но тебя, немного,
может быть, не
сожрёт.

Мне семь, а может, тридцать или сто

Мне семь, а может, тридцать или сто.
Мои друзья за черным венским кофе
кроят (ах, матом кроют...) как пальто
мои почти ахматовские строфы.

Муж любит бить в литавры и паять,

вдвоём мы – биты, литры и паяцы;
он пишет «щястье» – через «щ» и «я»,
и я сержусь. А надо бы смеяться.

Смеюсь взахлёб, за хлебом выйдя в синь
неспаной ночи, ветреной и пьяной.
И курит «белый мор» мой беглый инь,
постель не разделив с уснувшим яном.

Наш дом давно лежит на дне зимы.
Шершавый, злой, со всех углов замятый.
И кто-то чуть замятинское «Мы» —
черкнул в подъезде – «все умрём, ребята».

Ребята с пивом, рыбой и «ГрОб» – ом
который день сидят за детским садом.
Старушкой древней с палкой и горбом
Вползу за сад и тоже с ними сяду.

Минуту-две, проглатывая злость,
поною, мол, «по плану» не готова.
Щенок лизнёт резиновую кость
и щеку мне. И жизнь начнётся снова.

Холодный вечер

Холодный вечер. Ладаном и мятой
так тонко пахнут волосы твои.
Сложив под стол оружие и латы,
мы цедим лёд и золото аи.

Кривой свечи изменчивое пламя,
и в белой вазе – розы антрацит.
Суровый муж с поникшими усами
с портрета недоверчиво глядит.

В окно стучит рябиновая ветка
с багряной каплей ягоды. Метель.
С метелью в унисон поёт соседка
и стелет одинокую постель.

А после – кровь, мечи и аркебузы.
Вчерашний мир волной весенней смывает.
Опять один, как славный Робин Крузо,
я молча строю свой военный быт.

В палатке, что не сделалась палатой,
(а прочили серьёзные врачи)
неясно пахнет ладаном и мятой.
Так пахли чьи-то волосы. Но чьи?

В объятиях уюта нежилого
досадных тостов требует весна —
за тех, кто проиграв при Ватерлоо,
не верит, что проиграна война.

Яна Виноградова

Оловянный солдатик

В детстве
когда мультики можно было смотреть
только по выходным
А оловянные солдатики
имели привычку падать из окна в лужу
Нас пугали возможностью
остаться дома
а не бегать во дворе
пуская кораблики
и наблюдая за тем
как одно неловкое движение
может разрушить целый мир
Кораблик кренился
давал течь
и не оставалось надежды
что оловянный солдатик
каким-то чудесным образом
окажется у штурвала
Право руля!
Мой сын ни разу не видел оловянного солдатика
а пластмассовые запросто переплывают лужу
в бумажном корабле
Так что оловянному солдатику
ничего не остаётся
как лежать на дне

На вольных хлебах

Под взглядом придирчивым света,
в услужливых лапах судьбы
ты так безнадежно воспета,
что жалость встаёт на дыбы.

И нежность, проклюнувшись почкой,
качает тебя на листе,
играясь то в мамы, то в дочки
и сказки заводит не те:
о людях, летящих на небо,
о яблоках, съеденных впрок.
Прикроешься именем Ева

и клацнешь надёжное ОК.
И жалость восставшая трезво
оценит мышиною возню.
И примется комкать и резать,
и мерить по сто раз на дню.

Пожми удивлённо плечами,
оставшись на вольных хлебах.
Мы завтра с тобой одичаем
куда не ступала нога.
Мы завтра протопаем тропы,
откроем святые места.
Мы завтра распишемся кровью
на мирно почивших листах.

И снег под ногами заплачет,
мешаясь привычно с песком.
И город, прикинувшись зрячим,
увидит, что мы высоко
летаем и падаем звонко,
и лоб расшибаем на раз.
Пусть нежное сердце ребёнка
оставит тебя умирать
на красной каёмочке блюда,
звения молотильным бочком.

Позволь на тебя оглянуться,
впитать эту кровь с молоком.
Улыбку сорву и упрячу
в священных псалмах между строк:
мечты, любопытство, упрямство.
И клацну заветное ОК.

Кристалльно чистая тоска

кристалльно чистая тоска
под маринадный огуречик.
присядь со мною, человек,
слова прольются тихой речью,
и речка-реченька близка.

а в речке сказочка о том,
как в ясном месяце апреле
слова, не думая о цели,
с цепи срываясь полетели
о стену, на пол...

я никто
тебе с тех пор.

звенели маки,
под утро плакали собаки,
луну сгрызая до дыры.
но обнищавшая краюха
смотрела с неба хмуро, сухо.
так я с тобой заговорить
пытаюсь, гляну: ты краюха.
ты смотришь с неба хмуро, сухо.

ты идеальна (мать Тереза!)
добра, участлива. железо
ты плавешь взглядом.

кем я стал?

трещит по швам мой дом кромешный.
здесь были славные моменты.
и тишь да гладь,
но я устал.

стена стеной.
не плачь, богиня.
язык цепляется за имя
и прячет бережно храня.

молчу.
пора озолотиться.
ты слишком жаркая жар-птица,
воды не хватит у меня.

Елена Рид

Сонет из венка сонетов Dark Romantic Club

В пустыне было тихо и темно,
И даже сердце шёпотом стучало.
Уединенье, всех начал начало,
Желанное и сладкое вино.

Земная слава, деньги, красота,
Плач соловья о розе несравненной —
Как это все неизмеримо тленно,
Когда свои ладони пустота

Над миром простирает. Забывай,
Как забывает радости вдова,
Седой солдат – осаду Исфахана.

Всю суету сует смешай с песком,
Не плача, не жалея ни о ком
Среди кустов-скелетов бездыханных.

Люблю полупустой вагон метро

Люблю полупустой вагон метро,
Стекло, в котором я не отражаюсь.
Здесь демоны, глядящие хитро,
У поручней почтительно прижались,

Подобострастно ловят каждый жест,
Придержат когтем двери раздвижные...
Здесь домовые нижних этажей
Навытяжку стоят, как часовые.

Я самый страшный хищник в эту ночь,
Меня боятся сущности и люди.
Нет ничего, что мне не превозмочь,
И от меня ни капли не убудет.

Но что мне делать с силою моей?
Скольжу, лечу одна во тьме промозглой.
Змеятся в лужах блики фонарей,
А на глазах моих пылают слёзы.

Вот промелькнула тень в чужом окне,
Привычно хлопоча о дне грядущем...
И я хочу туда! Откройте мне!
Бесстрашные... Имеющие душу...

Урановая Мадонна

Бог выше распрей гендера и пола,
Единственный, не знающий греха.
Они кричат: «Гори, умри, Энола!»
Энола кормит грудью и глуха.

Наверное, она не виновата
(Скажите, кто из смертных без греха?)
Что родила нам меченого брата,
(Такого Ева родила когда-то),
Что родила нам порченого брата,
Что атомного сбросил петуха
На Хиросиму – та в лучах заката
Была, как место лобное, тиха.

Смешались в кучу кости и копыта,
Стекает кожа с пальцев и лица.
Ничто, как говорится, не забыто,
Не выключай, досмотрим до конца.

Огромное бессмысленное древо
Отъединило небо от земли.
На это дело грустно смотрит Дева,
Лежащая в урановой пыли.

В её руках ребёнок полуголый,
И нет за ним греха ни одного.
Кричат: «Умри!». Не слушай их, Энола.
Младенец плачет. Покорми его.

Лепестки

(Насте Р.)

Мы заигрались. Слишком высока
Цена игры, где ставкой служит чудо.
Струится безымянная река,
Потоком вод уносит нас отсюда,
Под током больно, страшно, не смешно.

Не верьте людям слишком совершенным,
Кольцо на палец, мы в немом кино,
Петлю на память, и платок – на шею.
Раскрошен в щепки наш бильярдный стол,
Вспорхнули карты, разлетелись кости,
В ловушке унизительно простой
Шепнёт палач: «Сопrotивляться – бросьте».
Заговорилаcь. Чуду – не служить,
Оно не раб и даже не дворецкий.
Я не ищу, где голову сложить,
Я жду тебя на личном Эвересте.

Ты знаешь, солнце, я спокоен

Ты знаешь, солнце, я спокоен,
Я просветлился и просёк,
Что счастье просто, как левкой —
Я никому не подконвоен,
Пусть в поле я один не воин,
Но, слава богу, не осёл.

Переведи меня

Над Ниеншанцем тучи ходят хмуро,
Чухонский чёлн несётся по реке,
На берегу сутулая фигура
Бездомного в дырявом пиджаке.

Он столько раз расталкивал локтями
Толпу зевак у храмов и дворцов,
Он столько раз вылавливал сетями
От льда освобождённых мертвецов,

Он столько слышал выстрелов и жалоб,
Что вечность не меняет на года.
Сидит в тени разросшейся державы,
Несущейся с Невою в никуда.

Когда в церквах поют: «Приспе година»,
Река клокочет и народ бурлит,
У Анны снова отнимают сына,
И под каретой рвётся динамит,

На площадях разлиты лужи крови,
Узоры молний прорезают тьму,

Тогда он, одинокий, души ловит,
Всех принимает, кто спешит к нему.

В такие дни, когда твой дом – не дом,
И не спастись молитвой и трудом,
Кто не страшится стать перед судом,
Спешит прийти к руинам Ниеншанца.

Там он стоит, как время, как гранит,
И гроздь ключей в его руках звенит.
Он смотрит на пришельца, говорит:
«Поверь, здесь больше нечего бояться».

Стекаются к нему со всех сторон,
Из коммуналок, домиков, хором,
Из новостроек и с проспектов-просек.
Он чинит лодку и бранит ворон,
Он Петербурга призрачный Харон,
Он знает путь, он ничего не спросит.

Modus vivendi

Поставить вышки, а не вешки,
Не дожидаясь вешних вод.
Все это делается в спешке.
Тюлень любви во льдах плывёт.
Межзвёздный крейсер на приколе
В далёкой сумрачной стране.
Такое не проходят в школе,
Все это только снится мне.
Бегут разумные пингвины
Друзей пропащих выручать,
Гигантский кот шатает льдины,
Кошмар-кошмар, печаль-печаль.
Трещат моральные устои,
Кричат товарищи: «Налей!».
От жизни бегство не простое,
А на бумажном корабле...

Александр Табаков

Агасфер

Вдали мерцало всё сильней
Сиянье городских огней.
Я подходил к местечку понемногу
Глаз различал в ночи базар и синагогу,
Вокзал, трактир, за ними постоянный двор
Я пробирался в город словно вор.
Гол, как сокол. В душе нет места вере ни одной
Не на коне я возвращался в край родной.
Триумф не состоялся, потому как трус
Я шёл тайком, неся воспоминаний груз
И поступью своей, распугивая стайки птиц,
Я в тёмных улицах искал черты знакомых лиц.
Чтобы возникла с прошлым связь времён,
Где столько было связано: событий и имён.
Покинув отчий дом молоденьким юнцом
Я вырос, возмужал и даже стал отцом
С тех пор минуло долгих сорок лет
Кого я встречу здесь? Наверняка уж многих нет
Кого по миру раскидала жизнь, а кто в земле сырой
Один лишь я дурак, крадусь ночной порой
С рождения в плену потусторонних сфер
Я вечный жид и вечный странник Агасфер.

Сон

Она приходит неожиданно,
Словно из ниоткуда.
Эффектная женщина, в полном расцвете лет.
Распугав дискотечный планктон,
Как хищница-барракуда,
Заставляет мужчин смотреть себе пристально вслед.
Игнорируя всех,
Она найдёт тебя среди угара,
Зазывающее улыбнётся, руку подняв в приветие.
И ты, не выдержав силы удара,
Потеряешь голову,
Забыв обо всём на свете.
На ватных ногах,
подойдёшь к ней отважно,
Спросишь культурно: – Девушка, что мы хотели?

Как ты добьёшься этого, вовсе неважно.
Но вы окажетесь вместе в постели.
Ты нежно губами к груди её прикоснёшься,
Руками исследуя места эрогенных зон.
И в этот момент
внезапно проснёшься.
С тоской осознав, что это был сон.

Молитва

Конвейер смерти работает круглосуточно, без выходных.
Каменные жернова мелют грубо и методично
От него не уйдёшь, твоё имя давно в накладных.
А колокольчик судьбы звенит печально и мелодично.
Всё прописано чётко: кто, где и как.
Небольшие сбои в *Системе* вполне допустимы
Вон идёт суицид, вон – убийство, вон – рак.
Мы на этой планете сплошь пилигримы.
Только я уродился с пометкой «иной»
Генетический код мой отличен от массы
Там, где надо юлить, я иду по прямой.
От того пролетаю порой «мимо кассы».
Но зато я в стаде покорно не прусь на убой
И приказы *Системы* мой мозг игнорирует
Среди армии клонов я пытаюсь остаться собой
Лишь чуть-чуть от волнения голос вибрирует
Когда молит: – Не хочу быть овцой на закланье!
Матрица, помоги мне ещё один раз!
И глядит, не мигая, на мои трепыханья
С верхотуры космоса безжалостный Глаз.

Я иду с тобой по Елисейским

Я иду с тобой по Елисейским
По полям, до арки Триумфальной
И киваю всем французским полицейским
Запивая круассан водою минеральной.
Неужели мы опять в Париже?
Ущипни меня, чтоб я поверил в это
Арка Триумфальная всё ближе.
И вокруг жарою пышет лето.
Сувенирами торгуют «жители Алжира»,
На асфальте спят голодные клошары
Я и ты – для них богатые транжиры
А на самом деле – мы обыкновенные лошары.

Без пятнадцати девять вечера

Без пятнадцати девять вечера.
Подыхая от скуки, подавляю зевоту.
У меня ещё два выходных,
А делать нечего,
И в понедельник с утра опять на работу. Пустота в душе и вокруг,
Отчуждение родителей уже не так убивает,
Понимаю, что это какой-то замкнутый круг.
Я хотел бы его разорвать, но время моё убегает.

Обращение к признанным

Выслушайте меня, от Вас не убудет
Я надолго не задержу.
Вы, надеюсь, не глупые люди,
И поймёте то, что скажу.
Уделите каплю внимания
С высоты своего положения
Отметите предвзятость заранее
Вместе с ней – кислых лиц выражения.
Вспомните себя начинающих,
Когда Вас давили «маститые»
Шавок-критиков, моськами лающих
И редакторов, с их: – Желаю расти тебе!
Вспомните своё нигилистское прошлое
Как кричали: – В топку каноны!
К чёрту классику! В ней всё пошлое!
Ну-ка, мэтры, освободите амвоны!
Вспомните то глухое отчаяние,
Что душило Вас от бессилия
Когда всей души твоей чаяние
Подвергалось тупому насилию.
Когда резались строчки, правилась фабула
А рецензией автору был отборнейший мат
И ждала Вас в лучшем случае кабала
В худшем же – звучал приговор: «неформат!»
Так ответьте мне, ради Бога,
Почему Вы очерствели внутри?
Неужели ваша совесть убога
И чумаза – сколько не три?
Я не верю! Должен быть кто-то
Кто в жюри заседает журя
Всё такой же, как прежде – босОта

Он поймёт и поддержит меня.

Роман Котчик

Старость

Угасают вновь бурлящие жизни,
И разбиваются капли дождя.
Растворяется образ Отчизны,
Разлетаются части тебя и меня.

Жизни героев гаснут упрямо,
Сколько огонь ты не раздувай.
Мотыльки на свет летят прямо,
Жить вечно шанс им не давай!

Капли стекают, вымывая время,
Не смахивай их, не мешай.
Они унесут с собой тяжкое бремя,
Пускай уползают, пускай.

Жизнь коротка, и спор ни к чему,
Быть мотыльком, значит слабость?
Вечная молодость. Зачем? Не пойму!
Старость, ну что ж, будет старость!

Он идёт под дождём

Он идёт под дождём, рассекая лужи,
Не удостоив взглядом тёмное небо.
Он себе тот прошлый совсем не нужен,
Но другим никогда, возможно, и не был.

Он спешит открыть заскучавшее сердце,
Да себя искренне подарить и всецело.
Чтобы грудь обжигало красным перцем,
В этот вечер о главном скажет смело.

И о том, что радуется её пальцам всегда,
И о том, что верит бесподобным глазам.
Хоть и опрометчиво вдали грустит иногда,
Но печаль-змею в одночасье изгоняет сам.

Что дурачится нередко, прекрасно знает,
Что ведёт он себя неприкрыто странно.
Тёплый дождь наконец-то двоих обнимает,

Бесконечность любви одна лишь желанна.

В часы душевного покоя

В минуты и часы душевного покоя
Наш мир внутри не требует разбоя.
Не требует грозу, ни зной, ни снег,
Ни страх, ни скорбь, ни сердца бег.

В минуты и часы душевного покоя
На сердце не бывает места боя.
Нет боли, слабости, переживания,
Испепеляющего душу содрогания.

В минуты и часы душевного покоя
Никто не выведет броню из строя,
Что защищает душу от восстания.
В моменты сна и отдыха сознания.

Наследие предков

Дитя живой Земли, наверняка подобие Бога,
Рождённый в муках среди добрых душ.
Одеждой точно праотцам служила тога,
Твой прадед, верно, был предобрый муж.

Непревзойдёнными труды порой их были,
Для толп, народов, целых континентов.
Полезными для мира такие предки слыли,
Хотя порой впадали даже в сантименты.

Примером были для подражания другим,
Надёжными, ответственными, яркими.
Поэтому не стоит пожилым и молодым
Сжигать во мгле идеи хлёсткие и жаркие.

Будь новым Ньютоном, Да Винчи, Блоком,
Враз уничтожь надежд, мечтаний свалку,
Что в мире современном процветает, током.
Сожги обыденность таланта зажигалкой!

Чудесный сад

Чудесный сад, увы, забыт навек,
Лишь ветер тихо стонет, завывает.
Ветвей его давно касался человек,
Что строгий дождь печально оmyвает.

Хранит молчание под облаками,
Покрыты плотной тайною деревья.
В нем бесконечно кажутся часами
Судьбы все мимолётные мгновения.

А в прошлом сад был смехом полон,
Поющих громко и танцующих, детей.
Он защищал многоголосный гомон,
Бегущих от проблем в него людей.

Однажды настиг злой рок этот сад,
В одночасье остался без смеха и радости.
Раскинув сухие ветви, деревья стоят,
Тоскуя по дням прошедшим, их сладости.

Алексей Осидак

Той, которой нет лучше в пристанище звёзд

Я из вены фонтаном молю: «Извини!
Лишь позволь мне покаяться, не отвергай!
Чем ты дальше, тем ярче, как Солнца зенит.
Словно вечность минула с того четверга!»

И как будто всё умерло, призрачные те,
Что счастливым союзом запомнили нас.
Не случилось быть вечной прекрасной чете:
Кто-то мир расколол на «тогда» и «сейчас».

На осколке «теперь» я останусь один.
Не возьму никого из далёких тех дней.
По ушедшей любви я устрою помин.
Если ты вдруг случайно, не вспомнишь о ней.

Если это свершится, Земли тектонит
Вновь сольется платформами, даже внахлест.
Да, такому бывать, коль меня извинит
Та, которой нет лучше в Пристанище звёзд.

Я прошу тебя милая: просто прости.
Нам нельзя допустить, чтоб разрушилась твердь.
Посмотри: я уже изменился... Почти.
Будет всё хорошо. Только, главное, верь

Купание красной зари

Иду чересполосицей —
В пруду заря полощется,
Пшеница колоситься.

Одета даль безродная
В рубаху изумрудную
Осинового ситца.

Русь – русалка русая

Русь – русалка русая,

Длинная коса.
Почему ты грустная?
– Нечего скисать!

Доля твоя горькая,
Судьба – не леденец.
Только глянет зорька
Ночи под конец.

Так приколи акацию
К пышным волосам!
Беды в эмиграцию
Летят. Я видел сам.

Переправа через Стикс

Вечер тих.
Прохладно, право.
Переправа через Стикс,
В неизвестность переправа.

Перепробовал я все,
Что возможно в жизни этой.
Буду в следующей псом
Или струнами Башмета.
Или, может, Бог приметит,
В ангельский зачислит сонм?

Ветру свой последний стих
Подарю, – он чуть подправит —
Переправа через Стикс,
В неизбежность переправа.

Препинания значки
В нервном тексте прожитого —
Это опыта значки
Все готово, все готово,
И не нужно детям снова
Падать и терять очки.

Я готов, Харон, – кидай
Мою душу в свою шлюпку.
Переправа в никуда —
В новые замес и лепку.

Коротка была спичка, что вытянул

Коротка была спичка, что вытянул,
Хоть не кротким с плеча был размах.
Где-то был указатель на «Истину»,
Но опять проскочили впотьмах.
Там грунтовка почти незаметная,
Не разбита совсем колея.
Длинных спичек аллея несметная,
Но короткую вытянул я.

На шоссе шесть полос в одну сторону,
И асфальт цвета майских ночей.
Не по чину с дороги проторенной
В глушь съезжать, в край причины вещей.
Неприлично туда ехать с «личкою» —
Нет отличий в тех честных краях.
Все коробки напичканы спичками,
Но короткую вытянул я.

Иногда вижу зримо, воочию,
Что спидвей, – это Стикс, Ахерон.
А водила становится ночью
Тем, кто миру знаком как Харон.
Я же спичку короткую вытянул,
И свернул с автобана в тот край,
Где живёт неподкупная Истина.
Это место все знают как Рай.

Её лица мелодия

Её лица мелодию
Я помню наизусть.
В людской толпы колоде
Найду её слезу.

Её лица мелодию
Сыграю на холсте.
Другие – лишь пародия:
Не то, не так, не те.

Её лица мелодию
Ручей в лесу поёт.
Судьбы моей колодец
Иссох бы без неё..

До этой планеты...

«Тут лёту – два лета
До этой планеты!»
– Сказал бортмеханик Максим.

Всего лишь два лета?
– Пустяк, спору нету...

...и двести четырнадцать зим...

Татьяна Богомаз

Третий храм

Знаю,
Ты молишься за меня,
А я не часто тебе отвечаю,
Врастаю.
Где знамя,
Цветом ярче огня,
Отражаясь в стекле окна,
Растает.
Не с нами
Костры – полоса огня,
Что до углей сгорят,
Остынут.
Как стаю
Погонщики водят ягнят
Туда, где они поедят
И сгинут.
Постигнут
Великий ночей секрет,
Сладостный, словно шербет
Из дыни.
Воздвигнут
На холм под небо алтарь,
Где жертвовать будут как встарь
Отныне.

Предчувствие весны

Мой герой, как Сизиф неопрятен.
Как араб, посягнувший на Нил.
Он в плену леопардовых пятен
Вслух цитирует мудрых сивилл.
Так, внимая ему, апельсины,
Распускаются, словно из сказки,
И ты будто бы в Эвлистине
Ловишь бабочек яркой окраски,
Вечно юная Персефона,
Я тебе передам эти вирши,
Отошлю через почту Харона,
Может, адрес твой он отыщет.
Я другая, я ближе к Востоку,

Мне милее дымленный Дели,
С тихим сердцем смотреть на осоку,
Слушать томные всхлипы свирели.
Здесь ужасно прокуренный воздух,
Словно пагоды красные, свечи.
В честь тебя мы танцуем, подростки,
Променявшие вечность на вечер.

Точка бифуркации

Каждый когда-то желал захватить мир,
Разлепляя глаза в утренних зеркалах,
И смотря на то, как тает в какао зефир,
Думал, что всякая вещь превращается в прах.
В нежелании разговаривать с самим собой
Скрыта уверенность в неизбежности суеты,
Такая же, как то, что каждой весной
Под окном будут орать мартовские коты.
Но когда-нибудь ты проснёшься от тишины,
В середине апреля, повсюду будет лежать снег,
И твоё осознание собственной полноты
Будет в точности, как на снегу фантики от конфет.
И ты купишь бумагу, а может, холст, разноцветный акрил,
Нарисуешь льва, колдунью и платяной шкаф.
Чтобы построить неразрушимый мост в радужный мир,
Где не будет места снам о старых домах.

Усталый мир

Я знаю: мир устал. И исходил с ума,
Материю деля на снег и грязь.
Наёмник войска света и добра,
Что марширует, бешено смеясь,
Ты говорил без умолку. Слова,
Перебираясь с мыслью в диалог,
Танцуя, словно ветер и вода,
Ложась почти, что нотами у ног,
Ссыпались в крик. И каждый о своём.
Ты продолжал чуть слышно повторять,
Что так хотелось бы побыть вдвоём,
Что в птиц не обязательно стрелять...
Я говорил, что мест не нахожу
Для всех вещей, что ты не подарил,
А если по бульварам прохожу —
В глазах людей предвижу блеск могил.
И нас никто не слышал. По сему
Мы падали в объятиях без сил.
И я молчал, что я тебя люблю.
И ты забыл, что ты меня любил.

Как свет

Я больше не останусь на постой
Там, где мы вместе Веню не споём,
А будем до утра глотать паскуду-водку.
От точки сборки и до запятой
Я стану обналиченным нулём,
Без спроса врезавшись в перегородку.
Я больше не приду к тебе во сне,
Хотя быть может и не приходила —
Шар памяти разбросан на осколки.
Все соки этой чёртовой весне,
Чтоб не писать «люблю» в стенах сортира
И не смотреть на лакированные полки.
Всё вспять, всем вдаль и всех наперекор,
Сплетенья веток как головоломки,
А от дождя не спрятаться в подвале.
Тьма облаков уходит на Фавор,
Автомобили неуклонно лезут в пробки,
А я стою как свет в дверном прогале.

Виктор Заякин

Лампа и часы

И город спит за шторой. В отраженьи
Несчастный человек. И лампа. И часы...
Исчеркан лист. И не рождённых тени
Стихов сползают вниз. В сквозняк. У полосы

Обоев каждый штрих изучен.
Опустошая мысли в тишине,
Очередной абзац – туда же... Накрест... Скучно
Прогнил талант на страшной глубине...

Осталось ждать в смирении поэту,
Что утро воскресит, и отблески росы
Необъяснимо отразятся ветром,
И он поймет! И лампа. И часы...

Благочестивое марта

Горстки мартовских душ, что устали от снега
Разомлели от лучиков теплого дня.
Мой хомяк в колесе, охреневший от бега,
Подозрительно стал так похож на меня...

Вот еще пару дней и запахнет весной...
В предвкушеньи любви кошки щурят глаза...
Я собрался наверх, полетели со мною!
Кто против? Я – за!

Черно-белые люди, как ветер, на срыве,
Растворяют на солнце ошметки берлог.
Говорят, невозможно быть злым и счастливым...
Я не спорю – умно, но я, видимо, смог...

Как нередко мой свет подвергался сомнению,
Так же метко бревно веселило глаза.
Слышишь стук? Это время, чтоб выйти из тени...
Кто против? Я – за!

Синкопирует сердце в нелепейшей сбивке.
Виноградарь в запое. Засохла лоза.
Телевизоры ждут нас к вечерней прошивке...

Я против! Кто – за?

Кладбищенский оркестр

Я был здесь раньше. Плакал и молчал.
Сквозь линзы слёз мне, расплываясь, внемлет
Могильный крест. В начале всех начал
Мы вышли ИЗ и возвратимся В землю.

Молекула в круговороте грёз?
Песчинка позабытых континентов?
Кто я? Молчит озон небес и грозно
Растворяет буквы постаментов...

Следы в пыли. Аккорды облаков
На голубой тетради Божьих знаков
Рисуют притчи сорванных оков,
И шепчут повести воскресших злаков.

Дуален мир. Трёхмерен человек.
Вуали смерти нет. Скамейка. Столик.
Вселенский терминал мне выдал чек.
Я единичка там. А тут – я нолик.

Не в Рим, не в Рим ведут дороги, брат,
Не ври мне, все сюда несут течение,
С тех куцых троп дорожный знак убрать
«Тупик» «Одностороннее движенье»

На улицах из черно-белых лиц
Слезой не освященного нет метра...
Game Over. Press to start. Играет блиц
Кладбищенский оркестр. Смех птиц. Стон ветра.

Образ Цветка

И всё же ты безумен, человечек!
Стенографирую тебя на лепестки.
Ещё один отпал... Смотри-ка, нечет!
Стена. Графин, исполненный тоски

В иконостас окна вписал центральный образ.
Я увядаю. В этом красота?
На полотне смертей мой юный возраст
Похож на точку. На дефект холста.

Но ты не плачь, да ты и не способен,
Живи как прежде, тенью для светил,
И во своём многоэтажном гробе
Всё чаще убивай цветы.

Законная Песнь

По закону любви мы – финалисты всего.
По законам TV – нам не пройти даже кастинг.
Беззаботно забыли Её и Его,
Мы едим чужой хлеб и упиваемся властью.
Мы едим чужой хлеб.
По законам морей мы больше похожи на крыс.
По закону сердец мы только и знаем, что бьёмся,
И если ты можешь, непрестанно молись,
Иначе мы непременно сопьёмся.
Непрестанно молись.
По законам Китая мы – брошенный в озеро рис.
По закону компоста – зато мы никогда не потонем.
Мы движемся просто. По кругу. Спиралями вниз.
Обращая друг к другу мычания и стоны.
Просто. Мы движемся вниз.
По законам зверей мы – рычим на детей.
По закону дверей – нас заклинило ночью.
GPS-навигатор, сломавшись, не видит путей.
Я уверен дойдем. Но уверен не очень...
Я уверен – дойдём...

Марина Бауэр

Призвание

Мы призваны друг другу помогать.
Мы призваны искриться друг от друга.
Призвание натянуто так туго,
что остается только зазвучать.

Мы в резонансе создаём аккорд
гармонии движения по жизни.
Как говорится, друг, ты только свистни, —
я парус ветру твоему подставить горд.

Пророчества спрятаны в зеркало

Пророчества спрятаны в зеркало, вот – погляди
на правило трех отрицаний посредством частицы,
которая суть инфовирус на инфополях отрицаний.
Постой же у зеркала, чур, оглянись на себя, погоди
на грани, ребре пирамиды, у этой волшебной границы
где физика тела меняется силой сознаний.

Письмо

Друг мой, друг мой, ты помнишь, когда мы деревьями
были
на зелёном холме на прекрасной груди великана
мы ветвились в глубокое млечное небо...
Эти звёзды забыть нас ещё не успели? Не остыли ль
великаньи горячие твёрдые плечи? Так же ли на листву
неустанно
проливается вкусное, тёплое млечное небо?
Если помнишь ещё наши игры в песчаных обрывах
над рекой неподвижной, с текучею медленной тучей,
и жемчужным плетеньем дождя между нами...
позови мою тень в промежуток меж нынешних взрывов
поглядеть на тебя... Сочини меня снова на случай,
если всё позабыл за текущего мира делами.

Лепестки смыслов

Лепестки смыслов ветер заносит в сердце любимых.
Семена счастья падают в тёплые руки.
На любовной струне загораются искрами звуки
лишь сердцами только произносимых.

Ах, чудные, вечно медовые «ЛЮ»

Ах, чудные, вечно медовые «ЛЮ»
с изюминкой «Б» между ними.
Мы знаем, что тут на небесном краю,
все прикосновения сини.
И все закруглённые млечности рук,
и все протяжённости взглядов
смыкаются в ясно очерченный круг
из молний ЛЮБОВНЫХ разрядов.
Ах, чудные, вечно медовые «ЛЮ»
с изюминкой «Б» между ними.
Мы знаем, что тут на небесном краю,
все прикосновения сини.

Песни Колодарницы

А на двадцать четыре сторонушки
оглянусь я, имена загадаю.
Руки в землю – по земле вышиваю
знаки памяти – овражки-боронушки.
Сто и восемь каменьев я выложу.
Сто и восемь туков сердца я выдержу.
И пойду стороной незаметною,
поплыву синей струйкой невидною.
Поживу я судьбою завидною,
Полномощною судьбою рассветною.

Помни радость, танцующую в груди

Помни радость, танцующую в груди звёздам навстречу.
В мире бессмертных безлюдно в ожиданьи детей,
заснувших на маковом поле.
Зябкий ветер трогает теплые плечи

ожидая проявления хоть какой-то разумной воли.
Внутренний голос беззвучен и только во снах
трогает разумом спящих сознание.
Сторож над маковым полем, покачиваясь в облаках,
бдит за отменой свидания
разума с волей и осознанием. Пальцами шелкает, и тогда
звук отключается. Внутренний голос стихает.
Капает из облака скучная маковая вода,
натекает в прозрачные лужицы и ручейками стекает...

Война миров – 2 Мадригал

Двоичным кодом замостить сознание,
сцепив перемещенья бегунок
с младенчеством, на рычаге страданья
повесить люльку, дыбу и станок —

так нас переписали. Ах, неладно
творят нам нынче небеса погод,
чтоб и в глубинах было неповадно
стремиться из-под тяжести пород...

Как возникает слово «абсолют»,
манifestируя необходимость?
Конечно, в двойственности. Атрибут
пространства – абсолютная вместимость.

А слово – суть намеренья движенье.
Два слова – предложенье. Со-творенье.

1

Двоичным кодом замостить сознание
на – раз, два, пары – две – четыре – восемь, —
уже другого ряда узнаванье
в крови бежит и просит грянуть оземь

судьбу еды, назначенной не нами.
А пять и восемь и тринадцать вечно
разматывают время под ногами,
оно и катится, как водится, повстречно

чтобы секундное промежду пальцев – длин
закручивать, согласно мерам мира,
где солнечное двадцать и один,
втекает в строгое тридцать четыре.

Терновый Спасу выбрали венок,
сцепив перемещенья бегунок.

2

Сцепив перемещенья бегунок
с устройством упрощения симметрий,
баюкает нас цифровой божок
в тенётах чужепришлых геометрий.

На клетках сетки Хартмана фигуры
прописаны по шахматному штампу.
Кто двигает твою кандидатуру,
тот в ящике Пандоры держит лампу.

Клонированье плоских мер и метрик,
пригодных для вязания носков —
привычка, самый лучший антисептик,
и рамка для правления мозгов.
Синхронизированы все вниманья
с младенчеством, на рычаге страданья.

(Быть к матрице подсосаны должны,
чтоб бледные качать сквозь разум сны.)

Валерий Костиков

No name

Где синий фосфор закипает
И карлик в колеснице спит,
Стоит безмолвная, нагая
Твоя несчастная Лилит

Стоит и плачет, не рыдая,
Стоит и стонет, не крича,
Ты обещал ей имя рая,
А стал похож на палача

Пение, драконы и птицы

Вертикаль не древо, а лилия:
Мира ось не от мира сего.
Небеса не терпят насилия
И не прощают лишь одного

Волчьей пасти в овечьем забрале,
Черной метки на белых руках,
Черной мессы в лиловой тиаре,
Волчьей ямы в двуличных сердцах

Небеса существуют для пенья,
Для полетов драконов и птиц.
«Возлюби!» – вот дорога к спасенью,
А Закон лишь граница границ

Ностальгическое

в те дни, когда мы ничего не знали
о рок-н-ролле и гипертексте
и пространство было сплошным и необтекаемым,
а время доминировало над памятью..
горел единственный свет в окошке,
один единственный свет..

в те дни, когда мы ведать не ведали
о существовании Великого Ничто,

и не вращали в него, как в Летучий Голландец,
(«часть корабля, часть команды»)..

Мы игрались в игрушки мира,
воспринимая их как реальность

Я хранил эти дни, как джина в бутылке,
верил в них, как в страну чудес,
таскал за собой, как гирию на ноге,
и порой следовал, как за собакой-поводырем..

но пришло время
подарить призраку покой,
пустить на ветер архивы,
и, сжав память в цифровой формат,
С широко раскрытыми глазами
Сказать:
«Здравствуй, дивный новый мир!
Я выиграл право «Быть!»

Парижский Экстаз

Показалось,
Что химеры
В моей душе
Разом ожили и завывли

Оказалось,
Её галеры
Пошли в туше
И я был ранен навывлет

Стезя покровы

Рябая баба,
Роди раба.
Ты матерь гроба,
Сруби кабак.
Твоя утроба
Красна, как мак,
Бела, как роба,
Черна, как мрак.
Скирда без крОва,
Стерня кровА..
Стезя Покрова
Спасёт раба

Все тела остались расплавлены

Все тела остались расплавлены,
Все молитвы капелью стекли..
Это счастье быть обезглавленным
За шепотку нетленной земли,

Это счастье быть обескровленным,
Если крыша горит по краям..
Просыпаясь живым и несломленным
И хмельным, как Омар Хайям,

Но несчастье быть обезличенным
Пред мохнатой пастью святош,
Пропадая без Вести в обличии
Активиста мещанских лож,

И несчастье быть обесславленным
Посреди суетной пыли..
Все молитвы остались расплавлены,
Все тела капелью стекли

Александр Зимин

Волчице

Нам дождаться бы следующей жизни
Там бы встретились как-то иначе
Не страдали б, мостов не жгли бы
Ото всех свои чувства пряча

Только задним умом сильны мы
Как и всякий, кто слепо любит
Недогадливы и ранимы
Потерялись в сплетениях Судеб

Слишком разные, слишком злые
На себя и свои ошибки
Мы такие, как есть, мы такие
Оказалось, умны не шибко...

Что сказать... а сказать-то надо...
Нам дождаться бы следующей жизни
Где-то как-то встретиться взглядом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.